

DOI: 10.24412/2308-8079-2021-2-1

УДК 271.2:347.2(470.2)

**СОБСТВЕННОСТЬ ПРИХОДСКОГО ХРАМА
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности формирования имущества приходских церквей в течение длительного исторического периода. Выявлено, что главными источниками для создания комплекса имущества храма были пожертвования прихожан, связанные с различными, чаще всего трагическими жизненными обстоятельствами. Со временем, значительную роль в формировании церковного имущества стали играть представители торгового сословия. В середине XIX в. при сохранении прежнего порядка пополнения церковного имущества существенную роль в решении материальных проблем приходских храмов выполняли церковные попечительства.

Ключевые слова: прихожане, духовенство, верующие, крестьяне, имущество, Церковь, миряне, священники.

**PROPERTY OF THE PARISH TEMPLE
IN THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The article examines the main patterns of the formation of the property of parish churches over a long historical period. It was revealed that the main sources for the creation of the complex of the property of the temple were donations from the parishioners associated with various but most often tragic life circumstances. Over time a representative of the merchant class began to play a significant role in the formation of church property. In the middle of the 19th century, while maintaining the previous order of replenishment of church property, church guardianship performed an essential role in solving the material problems of parish churches.

Keywords: parishioners, clergy, believers, peasants, property, Church, laity, priests.

Проблема формирования имущества православной приходской церкви длительное время остается в центре внимания историков и этнографов, чьи научные интересы связаны с российскими конфессиональными вопросами [2; 3; 8; 42 и др.]. Изучение данной проблемы существенно осложняется спецификой источников, появление которых обусловлено разнообразными ситуациями в жизни прихода, священников и мирян. Имущество церкви складывалось из первоначального взноса от прихожан, состоящего из необходимых утвари и священнических одеяний, а также из «самопроизвольных даров», предназначенных приходской церкви. Изучение данного вопроса осложняется специфическим характером источников. Ведомости о состоянии церковных приходов, в которых приведены массовые данные, содержат общие суждения о «благолепии» церквей и сведения о металле (олове или серебре), из которого изготовлены церковные сосуды. Описи церковного имущества и приходо-расходные книги церквей, содержащие более подробные сведения, сохранились в крайне незначительном количестве. Такой своеобразный источник, как дела об ограблении церквей, содержит данные лишь о немногих предметах, привлекших внимание воров. В основном их интересовало содержимое «казенного ящика», в котором хранились деньги, собранные в качестве «доброхотного подаяния» от прихожан и вырученные в ходе «свечной продажи».

Приобретение икон, священнического облачения и прочих элементов «благолепия» порождали трудности? которые возникали при обустройстве церковного здания. С одной стороны, российское законодательство XVIII – начала XX вв. «делало недостижимым крестьянский идеал дешевой церкви» [8, с. 124], вынуждая прихожан закупать серебряные или, по крайней мере, оловянные церковные сосуды, шелковые ризы для духовенства [44, с. 215]. С другой стороны, крестьяне разных местностей России «ревностно относились к своей церкви» [3, с. 203], прилагали усилия для ее «благоукрашения». В то же время

епархиальная печать даже на рубеже XX в. подчеркивала убогость многих олонецких церквей: «Храмы в Олонецкой епархии в большинстве деревянные», они бедны церковною утварью «и часто очень обветшалые» [12, с. 744].

Ведомость о состоянии церковных приходов Олонецкой епархии, составленная в 1802 г. и словно подводящая итоги XVIII в., содержит краткие сведения о 82 храмах, из которых в 24 имелись лишь оловянные сосуды, а в 58 – купленная «мирскими людьми» серебряная утварь. Иногда в ведомости содержатся несколько более подробные сведения об имуществе приходской церкви. В Вешкельском приходе к началу XIX в. имелись «серебряные с позолотою» церковные сосуды, а в Фоймогубском, наоборот, «серебряных сосудов за нерачением прихожан не имеется». Обобщенные оценки состояния церквей дают следующую картину: в числе «хорошо благолепием украшенных» названы 36 церквей, «посредственно» – 42, «еще украшаются» (вероятно, после пожара или ограбления) 4 церкви. Попытки сопоставить уровень обеспечения церквей необходимым для богослужения имуществом с какими-либо оными показателями, характеризующими приходы, как правило, заводят в тупик. Например, Ругозерская церковь со 125 приходскими дворами «благолепием украшена хорошо, сосуды церковные оловянные». Ялгубская церковь со 110 дворами, наоборот, имеет «сосуды для священнослужения серебряные, благолепием украшена хорошо» [4, л. 1-66].

Свидетельств о формировании церковного имущества известно немного. Ясно, что, обеспечив необходимый минимум, при наличии которого церковь могла быть освящена, прихожане продолжали заботиться о благосостоянии своего храма. Иногда имущество храма пополнялось за счет «мирских» сумм. Староста-«возмутитель» Клим Соболев в показаниях сенатской следственной комиссии в 1774 г. утверждал, что из «мирских» денег им отдано «рещиком Вологодского уезду крестьянину Степану Афанасьеву за резбу в церкви коностаса десят рублей» [35, л. 441]. Объектом особых забот прихожан всегда оставался церковный колокол. Ведь «его мощь и красота звучания не только поднимали религиозные чувства верующих», но и способствовали престижу церкви и прихода [11, с. 721].

Уникальным источником по вопросу о путях пополнения церковного имущества является «опись Остреченского погоста выставки Ивенской, колико в церквах разных имеется вещей». По описи пролеживается процесс формирования имущества церкви на протяжении 30 лет (первая запись датирована 1758, а последняя – 1798 г.).

Основными дарителями всегда оставались крестьяне. Один из них, Фома Андреев, в 1758 г. «поставил» образ Илии пророка «с чудесами» и медную лампаду весом в три с половиной фунта; Митрофан Андреев в 1764 г. преподнес храму образа Живоначальной Троицы и Пресвятой Богородицы Владимирской. Одежда «камки голубой с золотыми травами оплечье» дана в 1771 г. «крестьянской женой» Февронией Яковлевой; медный благословляющий крест куплен крестьянином Никитой Егоровым в 1787 г. Наиболее крупные вклады, судя по цитируемому источнику, сделаны коллективно всеми «приходскими людьми». В 1762 г. ими «устроено» паникадило, в 1765 – иконостас. На церковные, собранные церковным старостой с прихожан, деньги в разные годы удалось обзавестись и серебряными позолоченными сосудами, потиром, диском, двумя блюдцами, лжицей весом в два фунта. Пополнялось церковное имущество и за счет вкладов клира. В 1760 г. священник Федор Киприанов купил для церкви образа Пророка Илии и Николая Чудотворца. Не обходили церковь вниманием и представители торгового сословия. В 1798 г. петрозаводский купец Алексей Яишников вручил церковному старосте «бархату красного кресты и около обложены золотым позументом, штофу голубого с золотыми травами оплечье», а его земляк купец Артемий Гаврилов – «подсвечник носящей медной весом восемь фунтов» [18, л. 1-12].

Особый интерес представляет «условие», данное прихожанами священнику в 1805 г. Прихожане обязывались купить «к церкви нашей Илии Пророка новый колокол весу не менее шести пуд, и что за оный будет договорено, отдать по цене денег, то сим обязуемся каждый от своего усердия <...> особо платить». Предполагалось использовать всю имеющуюся в церкви медь, которую прихожане решили или «употребить на колокол» или продать [18, л. 14]. Такой

порядок решения имущественных вопросов церкви показывает, что и в начале XIX в. сохранялся приходской обычай, в соответствии с которым «религиозные общины <...> распространяли право бесконтрольного распоряжения и на церковные принадлежности». В их ведении находились «различного рода имущества, движимые и недвижимые, приписанные к церкви не только со стороны данной религиозной общины, но и безразлично со стороны отдельных членов» [49, с. 28]. В начале XIX в. в материалах делопроизводства появляются упоминания о том, что все пожертвования в пользу приходских церквей находились под пристальным надзором епархиального начальства. В 1812 г. крестьяне Введенского погоста решили устроить в своем храме новые серебряные ризы на одну из икон. За разрешением «означенную ризу устроить и сообразно оной серебряный венец переделать» прихожане обратились к Новгородскому митрополиту, который милостиво согласился с крестьянским благочестивым решением [37, л. 1].

В конце XIX – начале XX вв. унаследованный от предшествующих столетий способ пополнения церковного имущества оказался востребованным. В 1899 г. крестьяне Мирошкинской волости, собравшись на сельский сход, пришли к заключению, что находящиеся в их приходе храм «весьма беден как по внутренности благолепия, так и ризницей для священнослужителей». Между тем «рассчитывать на добровольных жертвователей нельзя по неимению в числе прихожан, лиц располагающих более или менее значительными денежными средствами; средства церковные также весьма скудны». В настоящее время «предстал очень удобный случай приобрести для церкви некоторые необходимые предметы», поскольку в деревне появился торговец необходимым для богослужения имуществом». У него крестьяне приобрели паникадило, парчовые облачения для священника и прочие предметы. Расплатиться за них крестьяне смогли за счет мирских сумм, хранящихся на депозитах в банках [34, л. 2].

Иногда проблема решалась еще проще. В 1911 г., завершив строительство церкви, крестьяне из деревни Пялозеро Мунозерского прихода собрали 1500 руб. на иконостас [13, с. 547]. В некоторых случаях дополнительная помощь для

поддержания благолепия церкви поступала из мирских сумм, полученных крестьянами за разрешение открыть торговлю алкоголем в их волости. В 1900 г. крестьяне Бадожской волости приняли решение об ассигновании небольшой суммы из средств, «полученных за право винной торговли», на нужды приходской церкви. Иногда сами винные лавки становились собственностью церкви. О существовании такого рода коммерции становится известно, благодаря косвенным данным. По данным из постановления Петрозаводского полицейского управления за 1898 г. некоторые местности нуждались в особом наблюдении со стороны правоохранительных органов. К их числу относилась толвуйская приходская церковь «с существующими при ней торжками» [31, л. 4]. Другие способы пополнения церковного благолепия не замедлили появиться. В 1905 г. прихожане из Большесторонской волости Каргопольского уезда решили использовать причитающийся им капитал, «полученный за отчужденную под Вологодско-Архангельскую железную дорогу землю», «на устройство иконостаса во вновь сооруженный в приходе храм» [7, л. 1]. В начале XX в. ситуация сохранялась в узнаваемом виде. По данным 1907 г. в Мошинском приходе Каргопольского уезда регулярно проходили местные «торжки», во время которых крестьяне и купцы арендовали принадлежащие местной церкви лавки, пополняя казну местного храма [27, с. 76].

Разбогатевшие в ходе торговли крестьяне оказывали своей церкви ощутимую помощь и поддержку. Сведения о благотворителях встречаются в документах консистории в огромном количестве. Торгующий крестьянин А.Ф. Нечаев, который в течение нескольких лет являлся ктитором Кенозерской Успенской приходской церкви, в конце XIX в. на свои средства построил каменную ограду вокруг Кенозерского погоста, приобрел праздничный (главный) колокол для колокольни. Для другого кенозерского храма, во имя Николая Чудотворца, Нечаев приобрел ценный иконостас стоимостью более 7000 рублей работы петербургского художника Петрова. Тогда же священник Н. Кенорецкий обратился к «богомольному и щедрому русскому народу» и получил многочисленные дары для Коловской приходской церкви, расположенной в

Пудожском уезде. Вскоре поступили новые приношения. Проживающий в Москве пудожский мещанин М.И. Плоскирев прислал Евангелие в бархатном переплете и серебряно-позлащенном окладе, дарохранительницу и облачения для духовенства, московский купец Н.И. Власов – траурные священнические облачения и т.д. Всего пожертвований поступило в казну Кенозерского храма на сумму около 500 рублей [12, с. 744].

Местные священники занимались поисками щедрых благотворителей и, найдя радетеля, в течение длительного времени регулярно получали от него всестороннюю поддержку. Священник Лычноостровского прихода А. Преображенский, «заручившись от знакомых адресами благотворителей», написал письмо Санкт-Петербургской купчихе Бультяковой. Вскоре он получил помощь на приобретение имущества и ремонт храма. Купчиха стабильно поддерживала все начинания священника в течение десяти лет [43, с. 460]. В 1879 г. по сведениям из отчета Олонецкого благочинного неизвестный благотворитель из Санкт-Петербурга и крестьяне Ильинского прихода «возобновили чрез новую живопись ветхие и не совсем правильно писанные иконы», позолотили иконостас, потратив из своих средств более двух тысяч рублей. Другой благотворитель, Санкт-Петербургский купец В.Б. Богданов, пожертвовал церкви Горского прихода икону Святителя Николая, «писанную на золотом фоне с чеканкою в киоте за стеклом» [20, л. 49–50].

Наиболее часто встречающаяся форма вклада – от частных лиц – связана с различными событиями в жизни прихожан. Вполне вероятным представляется суждение С.В. Кузнецова о причинах появления традиции: «жертвовали охотно», имея намерение «загладить какой-нибудь грех» [10, с. 159]. Свидетельства о подношениях носят случайный характер. «Женщины чаще всего при болезнях близких давали обещание пожертвовать в церковь кусок холста, полотенце, платок» [1, с. 154]. Судя по прошению крестьян Остреченского погоста, поступившему в Олонецкую духовную консисторию в 1781 г., «опущали оне, священники, мертвое тело крестьянина Алексева в землю на холсте, которого было четырнадцать аршин». После похорон холст «отдан в казну церковную

церковному старосте» [36, л. 24]. В XIX в. случаи такого рода не исчезли. В конце столетия в Вытегорском приходе жители, отправляясь на работу, молились в церкви, просили у Бога «успеха и благополучия», давали обещание «дать пай (или топор) на церковь Божию» [16, с. 295].

В России повсюду сохранялась традиция, в соответствии с которой средства, необходимые для ведения церковного хозяйства, поступали в бюджет храма от завещателей. В XVI-XVII вв. православные священники «получали значительные суммы как духовные отцы, по завещаниям» [42, с. 163]. В изучаемый период сходный порядок пополнения церковной казны и доходов клириков сохранился. Наиболее крупные пожертвования на церковь «делали перед смертью» [10, с. 159]. В 1887 г. традиция закрепились в законе, который позволял церквям, монастырям и архиерейским домам «приобретать имущества по духовным завещаниям» [9, с. 27]. Иногда завещали предметы церковного обихода. В Каргополе в древней Воскресенской церкви располагалась особо почитаемая местным населением икона, пожертвованная храму по завещанию купца Г.С. Мохнаткина [47, с. 15]. Отказ завещать что-либо приходской церкви и духовенству становился экстраординарным событием и чаще всего обуславливался лютой ненавистью к «никонианам». Перед последним каргопольским самосожжением в 1860 г. один из старообрядцев составил подробное завещание, в котором предписывал разделить его имущество между родственниками, но велел «антихристовым слугам ни до чего не касаться, в проклятую кумирницу, бесовское сонмище, сиречь в церковь, ничего не давать» [41, л. 3].

В конце XIX – начале XX вв. приток средств от завещателей в казну храма не иссяк, но постепенно поменялся порядок хранения церковных сумм. Теперь, согласно Уставу Духовных консисторий, требовалось передавать церковные суммы «в государственные кредитные учреждения для приращения процентами», а церковные старосты и духовенство получили распоряжение «не оставлять в церкви без надобности более ста рублей» [45, с. 30]. К концу XIX в. пожертвования прихожан в совокупности составляли серьезные суммы. В 1895 г.

в церкви Олонецкой епархии поступило от жертвователей 55 846 рублей. Внушительная цифра составила из кошелькового и кружечного сбора, пожертвований на устройство церквей, доходов с имений и прочих видов приношений от верующих. Определенная часть средств предназначалась «на распространение Православия между язычниками», «восстановление Православия на Кавказе» и на «улучшение быта православных в Палестине», однако большая часть сумм направлялась на нужды приходских храмов [5, с. 156-157].

Для объединения усилий прихожан в деле обеспечения храма необходимым для богослужения имуществом или, используя терминологию источников, для «благоустройства приходской церкви», а также для начального обучения детей и благотворительности, в России начали создаваться приходские попечительства. «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» было утверждено императором Александром II 2 августа 1864 г. Оно вписывалось в число мероприятий церковной реформы 1860–1870-х гг. Обязанности попечительств заключались в удовлетворении нужд приходской церкви, поиске средств на ремонт и строительство церковных зданий, учреждении школ, больниц, богаделен и других благотворительных учреждений, в наблюдении за тем, чтобы приходское духовенство пользовалось всеми предоставленными ему приходом разновидностями содержания. Источником средств попечительств являлись добровольные пожертвования прихожан. Из их же числа большинством голосов избирались члены попечительств. Непременными членами попечительств назначались священник и церковный староста. Во всех делах (прежде всего, в финансовых вопросах) попечительство отчитывалось перед прихожанами.

Современные историки оценивают нововведение двояко. С одной стороны, появление попечительств «давало шанс объединить на религиозной основе все сословия в деле попечения о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта». С другой стороны, к созданию попечительств «часто относились формально», прихожане «не очень охотно откликались на просьбы о материальном обеспечении своего духовенства, считая его условия жизни вполне достаточными» [14, с. 52]. Некоторые распоряжения центральной духовной

власти (например, запрет попечительствам иметь особую печать) показывают, что Синод «с некоторой опаской относился к возможной деятельности попечительств» [46, с. 365].

Олонецкие материалы свидетельствуют, что путь становления и развития попечительств оказался непростым. Их появление в целом соответствовало традиционному укладу приходской жизни, являлось его законодательным закреплением и иногда находило поддержку у олонецких прихожан [39, с. 190–191]. В 1903 г. крестьяне Оштинской волости, собравшись на сельский сход, «слушали словесную просьбу» председателя Оштинского приходского попечительства В.А. Петугина, «о даче пособия от общества приходскому попечительству на ремонт Оштинской Богоявленской церкви, так как средства на ремонт церкви у попечительства не имеется, а ремонт крайне необходим для благолепия и в порядке содержания храма». Как видно из отчета Оштинского попечительства, оно занялось благоустройством приходского храма, однако из-за неурожая и недостатка средств не смогло завершить ремонт по заявленному им ранее плану [26, с. 805].

Усилиями местного епархиального начальства деятельность попечительств была согласована с действующей системой сохранения и преумножения церковного имущества. В их ведении оставалось собранное по приговорам крестьян, а суммы, вырученные от свечной продажи, и все иные доходы церкви находились в ведении церковного старосты и причта [30, с. 346]. Попечительства возникали не во всех приходах. Судя по отчету Олонецкого благочинного за 1879 г., в его округе «не имеется доселе ни попечительств и никаких других благотворительных обществ». На появление их в ближайшее время рассчитывать не приходится. Причинами стали бедность народа, «разбросанность одного селения от другого», приверженность старообрядчеству «наиболее богатых и влиятельных лиц в сфере народа», непонимание верующими «значения и плодотворности сих учреждений при приходских церквах для пользы народа» [20, л. 56]. Тем не менее, приходские попечительства оказались одним из успешных начинаний периода великих реформ. В дальнейшем деятельность приходских

попечительств дополнилась усилиями обществ трезвости, имеющих сходное предназначение, но заинтересованных также в избавлении крестьян от алкогольной зависимости. Судя по отчету Ладвинского общества трезвости за 1910 г., местная церковь получила от принципиальных противников алкоголя лампаду к иконе св. Николая [22, с. 195].

В 1905 г. появились «Правила устройства церковно-приходской жизни в Олонецкой епархии», согласно которым прихожанам и духовенству отводилась значимая роль в имущественных вопросах. Верующие и клир составляли церковно-приходское собрание, которое решало вопросы расходования сумм прихода, сооружения и содержания храмов и причтовых домов [33, с. 1-8]. Согласно правилам, в приходах следовало создавать церковно-приходские советы, чьи функции в основном совпадали с обязанностями попечительств. Советы обязывались «стать в помощь священнику в исполнении его пастырского долга», постоянно наблюдать за жизнью прихожан, заботиться о благолепии храма, о школе, «которая называется иногда преддверием храма», добиваться «прекращения вражды и злобы между прихожанами», организовывать «разумные развлечения в воскресные и праздничные дни» [17, с. 621-626]. Изучение нормативных документов показывает, что в отличие от попечительств советы были обязаны заботиться о нравственности прихожан, их душевном комфорте и о благочестии, а не только об имущественных вопросах и организации благотворительности в приходе. В 1908 г. состоялось первое собрание церковно-приходского совета при Салменицком приходе Петрозаводского уезда, на котором местные крестьяне решили приобрести икону, «озаботиться приисканием сборщика добровольных пожертвований» для нужд храма, «все кладбища привести в подобающий им приличный вид» [28, с. 359-360].

Пытаясь бороться против бедности церквей и невнимания отдельных прихожан к нуждам храмов, епархиальное начальство постоянно прилагало усилия, направленные на пополнение церковного имущества. Направления усилий со временем менялись. Во второй половине XIX и в начале XX вв. епархиальное начальство озаботилось комплектованием приходских библиотек.

Закон определял список книг, которые обязательно должны находиться в каждом храме [9, с. 141-142]. В документах архива Синода за 1870 г. отмечается, что в Олонецкой епархии библиотека стала одним из обязательных элементов имущества храма. Епархиальное начальство, «имея в виду, что одним из лучших пособий для приходских пастырей могут служить духовные книги и журналы», постоянно заботилось о том, чтобы при церквях появились библиотеки. Считалось необходимым, чтобы библиотеки «с каждым годом пополнялись, по возможности, лучшими, пригодными для простого народа изданиями». Приходские священники обязывались «располагать прихожан читать под своим руководством книги из церковных библиотек» [24, л. 13]. В 1877 г., судя по рапорту благочинного Олонецкого уезда, наличие библиотеки и возможности ее пополнения стали одним из значимых критериев для оценки состояния дел в приходе. Как указывал составитель документа, «скудость средств многих церквей и необеспеченного самого духовенства не позволяют дать пополнению церковных библиотек вновь выходящими книгами и периодическими изданиями широкие размеры» [38, л. 2].

Исходя из поступающих с мест сведений, Петрозаводский съезд благочинных подчеркивал необходимость «озаботиться устройством библиотек непременно при всех церквях». В том случае, если у прихожан какой-либо из церквей не хватало денег, следовало «начать дело, хотя с самых незначительных размеров, примерно с рубля». Далее предполагалось «к помощи таким церквам располагать причты и старост более состоятельных церквей», а также обращаться к частным благотворителям [25, л. 29]. Имеющаяся в церковных библиотеках литература могла использоваться для самых разных просветительских целей. В 1900 г. один из миссионеров с гордостью отмечал, что «противораскольнические книги есть во всех приходах» [23, л. 66]. Тем не менее, начинание требовало продолжения. Состоявшийся в 1906 г. Съезд миссионеров Олонецкой епархии предписывал приходским священникам использовать книги, находящиеся в библиотеках при храмах, для дискуссий со старообрядцами [32, с. 59]. В отчетах благочинных начала XX в. указывалось, что по мере роста грамотности населения

библиотеки становятся нужными не только приходскому духовенству, но и местным жителям. Благодаря регулярному чтению, последние смогут не только «получить удовлетворение своей любознательности», но и избавятся «от пороков и разных суеверий и предрассудков» [21, л. 18].

В то же время прежние, традиционные способы пополнения храмового имущества и заботы о нуждах церкви сохранялись и действовали одновременно с попечительствами и советами. Отмечаются регулярные пожертвования прихожан в пользу храма. В Таржепольском приходе, построив церковь, местные крестьяне приобрели иконы и церковную утварь «путем пожертвований», а также взяли необходимые для богослужения предметы из бывшей часовни [29, с. 2]. По данным описания Тихмангского прихода Вытегорского уезда, составленного в 1908 г., верующие «жертвуют на храм хлебным зерном от полевых трудов, жертвуют и от рыбных промыслов». Далее в статье говорилось о том, что местные рыбаки получили благословение от епископа «за пожертвованные ими в свою церковь запрестольные кресты, металлические хоругви и плащаницу стоимостью на 200 рублей» [19, с. 170]. Документы фиксируют случаи приобретения икон специально для сохранения памяти о том или ином примечательном событии в жизни страны. В 1879 г. крестьяне Устьмошского прихода Каргопольского уезда совместно с приходским духовенством приобрели для своей церкви икону святого Александра Невского специально «по случаю спасения жизни государя императора». Отныне 19 ноября, в день памяти благоверного князя, перед его образом совершались Литургия и молебен за здоровье царя [40, л. 19 об.].

Отдельные прихожане на протяжении всего рассматриваемого периода, в том числе и в начале XX в., сталкиваясь с непростыми жизненными ситуациями, продолжали жертвовать иконы и церковную утварь, улучшая тем самым церковное «благолепие». Например в 1906 г., отправляясь на войну, «нижние чины» из Вытегорского уезда решили приобрести в местный Вознесенский храм образ Казанской иконы Божией Матери [6, с. 28]. Чаще всего причины пожертвований остаются неясными, однако из имеющихся источников видно, что прихожане постоянно приобретали для своей церкви разнообразные необходимые

предметы. В 1906 г. прихожанка В.Н. Юрьева приобрела и передала в Юштозерскую церковь Повенецкого уезда дьяконское и священническое облачение, «одежду на престол», бронзовый вызолоченный крест [15, с. 456]. К принятию срочных мер и экстренному пополнению церковного имущества прихожан понуждала необходимость срочного восстановления отдельных элементов церковного убранства. В 1902 г. в Вохтозерском приходе молния повредила иконостас. Поиски благотворителей оказались успешными. Двести рублей пожертвовал знаменитый священник, будущий святой Иоанн Кронштадтский, другая половина суммы поступила от Олонецкого земства. В итоге иконостас удалось восстановить «благолепно» [21, л. 73].

В годы Первой мировой войны возникли серьезные сложности, связанные с сохранением накопленного за столетия имущества приходских церквей. Как указывалось в циркуляре Главного управления по делам милиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, разосланном по губерниям в октябре 1917 г., в Святейший Синод «поступают многочисленные донесения об участвовавших в последнее время вооруженных нападениях на монастыри и приходские церкви с применением при их ограблении самого грубого насилия и даже убийств». Местные олонецкие приходские пастыри, столкнувшись с такой трагической ситуацией, обратились к прихожанам с призывом «организовать возможную охрану церквей и их достояния». Со своей стороны, милицейское начальство распорядилось «установить временно, впредь до минования настоящих ненормальных условий жизни, бдительную охрану церквей, монастырей и их имущества». В циркуляре содержалось предписание о том, чтобы стражи порядка «имели неослабное наблюдение, особенно в ночное время, за тем, что происходит возле обителей и церквей, обходили и осматривали их по возможности чаще и убеждались всякий раз в целостности замков, дверей и окон и приложили бы все усилия, опыт и старания к более успешному ограждению храмов и их достояния от ограблений и разгромов» [48, л. 92].

Таким образом, обеспечение храма необходимым для богослужения имуществом в XVIII – начале XX вв., как и прежде, зависело главным образом от

воли прихожан. Ни духовные правления, ни консистория не располагали реальными возможностями воздействия на приходскую общину в решении сложной церковной проблемы. Введение новой структуры управления церковным имуществом (приходских попечительств) не внесло существенных изменений в традиционную картину. И, тем не менее, подавляющее большинство церквей, по оценке самого духовного ведомства, вполне соответствовали необходимым для богослужения стандартам. Естественно, что прихожане, разными способами, нередко за собственный счет обеспечив всем необходимым храм, оставляли за собой значительные права в распоряжении предметами церковного обихода.

Список литературы:

1. Алексеева Н.В. Обетная практика русского крестьянства в системе сакральной географии и топографии православных объектов Европейского Севера России XVIII–XIX вв. // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Сб. научных статей. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2008. С. 149-162.
2. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX в. (По материалам Московской епархии). М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 176 с.
3. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
4. Ведомость о состоянии церковных приходов Олонецкой епархии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 97/2079. Л. 1-66.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. СПб.: Тип. Синода, 1898. 178 с.
6. Георгиевский Н. Икона Казанской Божией Матери – дар запасных нижних чинов Вытегорского уезда, в Марковский храм // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 28-29.

7. Заявление причта и церковного старосты в Олонецкой губернской присутствии // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 95. Оп. 1. Д. 75/3412, л. 1-3.
8. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 288 с.
9. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов). СПб.: Типография Синода, 1900. 482 с.
10. Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX вв. М.: Наука, 2002. С. 156-178.
11. Листова Т.И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М.: Наука, 2004. С. 725-747.
12. Местная епархиальная хроника // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 21. С. 744.
13. Никольский А. Освящение храма в дер. Пялозере, Петрозаводского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 32. С. 547-548.
14. Никулин М.В. Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.). М.: Изд-во Ипполитова, 2006. 287 с.
15. О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 12. С. 456.
16. Обзорение церквей 2-го благочиннического округа Вытегорского уезда 14 и 15 февраля 1900 г. преосвященным Назарием, епископом Олонецким и Петрозаводским // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 8. С. 95-96.
17. Обязанности членов церковно-приходского совета // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 33. С. 621-626.
18. Опись Остреченского погоста выставки Ивенской, колико в церквах разных имеется вещей // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 759. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 1-12.

19. Ордомский А. Освящение храма в честь Святителя и Чудотворца Николая в Тихмангском приходе Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 7. С. 170-171.
20. Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 49-51.
21. Отчет благочинного 2 округа Петрозаводского уезда за 1902 год // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 73-75.
22. Отчет Ладвинского Свято-Никольского Общества трезвости за 1910 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 12. С. 195-196.
23. Отчет миссионера // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 14. Д. 63/18. Л. 66-67.
24. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 422. Д. 383. Л. 10-46.
25. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1850. Л. 1-35.
26. Отчет Оштинского церковно-приходского попечительства о действиях его и суммах, поступивших и израсходованных за 1905 год // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 805.
27. П. Мошинский приход, Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 3. С. 76.
28. Пепшин В. Церковно-приходской совет в Салменицком карельском приходе Петрозаводского уезда, его открытие и первоначальная деятельность // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 16. С. 359-360.
29. Пидьмозерский В. Таржепольский приход Петрозаводского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 23. С. 2.
30. Приговор сельского схода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 95. Оп. 1. Д. 40/1475. Л. 1-2 об.
31. Постановление Олонецкого епархиального начальства (от 4-10 мая за № 128) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 14. С. 346.

32. Постановление Петрозаводского уездного полицейского управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 65/1572. Л. 3-4 об.
33. Постановления V-го съезда оо. миссионеров Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 59-61.
34. Правила устройства церковно-приходской жизни в Олонецкой епархии на началах, преподанных в определении Святейшего Синода, от 18 ноября 1905 года за № 5900 в руководство причтам епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 13. С. 1-8 (Приложение).
35. Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 256. Л. 1-446.
36. Прошение крестьян Остреченского погоста // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 62. Д. 243. Л. 24 об.
37. Прошение крестьян с резолюцией митрополита // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 21/36. Л. 1-2.
38. Рапорт благочинного 2 округа Олонецкого уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 95/2016. Л. 1-2.
39. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ: (Церковные реформы в России 1860-1870 гг.). М.: О-во любителей церковной истории, 1999. 568 с.
40. Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по 3 благочинническому округу Каргопольского уезда за 1879 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 1-19 об.
41. Следственное дело о самосожжении в Каргопольском уезде // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 33. Оп. 2. Д. 7/198. Л. 1-36.
42. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII вв. М.: Индрик, 2002. 352 с.
43. Тихомиров Н. Лычный остров // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 27. С.460-462.
44. Указ Синода «Об установлении должного порядка и правил при ходатайствах о построении и освящении новых церквей на место пострадавших от

пожара или обветшавших» // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. Т. 1. СПб.: Синодальная тип., 1899. С. 214-215.

45. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 5-64.

46. Шавельский Г.И. Русская Церковь перед революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 512 с.

47. Шайжин Н. Слава святителя и чудотворца Николая в Олонецком крае. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1909. 68 с.

48. Циркуляр Главного управления по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109/2958. Л. 92.

49. Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на Севере России в XV-XVII вв. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 134 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mypulkin@mail.ru.